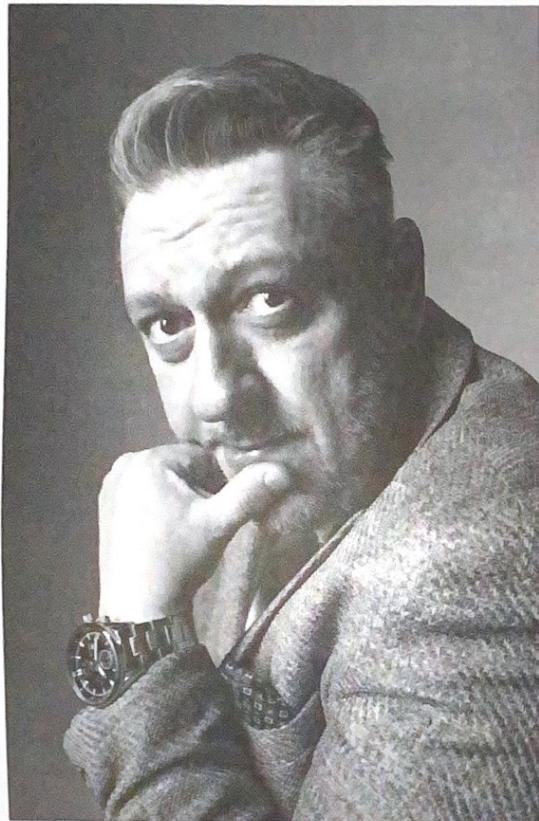

Беседовал Павел Лепендин

«5:0 в мою пользу»

Рома, ты отметил полувековой юбилей. Как всё-таки относишься к этой цифре – философски или с иронией?

— Скажем так, иронично философски. 50 в мою пользу. Но умом до того, что прожито полвека, пока ещё не дохожу. Если уж совсем серьёзно подходить к таким вещам, которые просто неизбежны, если Бог даёт тебе такую возможность дожить до этих лет, то просто станет грустно жить. 50 лет – это очередной этап моей жизни.

С наступлением этого возраста видишь для себя какие-то новые перспективы в творчестве?

— Ты же помнишь, что за исполнение Юсова в «Доходном месте» Островского, которому по пьесе приблизительно столько же лет, сколько мне сейчас, я получил областную театральную премию в номинации «Дебют сезона». А было мне тогда 24 года. Говорить о каких-то перспективах сложно, поскольку актёры люди зависимые в плане получения ролей. Может, я мечтаю сыграть кого-то, но мне не дадут воплотить его образ. Отдадут роль кому-то другому, кому она и вовсе не нужна. Но режиссёр именно этого артиста видит в этом образе.

26 ноября 50-летие со дня рождения отметил актёр Академического театра драмы имени А.В. Кольцова, заслуженный артист Воронежской области Роман СЛАТВИНСКИЙ. А накануне, 24 ноября, в театре прошёл бенефис в честь юбиляра. Мы знакомы больше 25 лет. Каждая встреча с этим многогранно одарённым человеком, каждое общение с ним наполняют душу радостью, позитивными эмоциями. Поэтому хочется встречаться как можно чаще. Чем я и не преминул воспользоваться накануне столь красивой даты моего друга.

Давай пофантазируем: какую бы роль режиссёр Слатвинский дал актёру Слатвинскому?

— Наверное, чеховского дядю Ваню. Хотя для этого персонажа я уже немного староват, но попробовать очень бы хотелось. Но ты знаешь, с годами мне всё больше и больше нравится играть комедии, нести со сцены позитив. Я люблю это делать.

Это потому, что позитива и хороших, ярких эмоций людям в окружающем нас мире так не хватает?

— Да. Их всё меньше и меньше. Люди погружены в заботы, в работу. Да, есть телевизор, который кишит всякими разными комедиями, развлекательными клубами, стенапами. Но театр – это живое общение, это не телевизор, хотя зрители сегодня порой забывают об этом. Комедии сегодня очень нужны. Посуди сам. если взять, допустим, трагедии Шекспира, то они, как мне представляется, несли во многом информационный характер. Тогда не было телевидения, интернета, а историю о том, что вот был на свете такой-то король, поведать миру надо. А чтобы человеку отдохнуть, сбросить с себя на несколько часов, проведённых в театре, весь этот груз, способствует просмотр комедий. Когда я был юн, мне было интересно что-то такое, так скажем, с подывыветом. И у нас в театре были подобные постановки. Когда-то Евгений Марчеллиставил в Кольцовском пьесу «Лев зимой», где были определённые изыски. Но всё получилось органично и в контексте авторского повествования, и в актёрском ансамбле. Так сложилось потому, что Марчелли очень талантливый режиссёр.

На сегодняшний день ты достаточно плотно занят в репертуаре. Доволен этим обстоятельством?

— Грех жаловаться. Но артисту всегда хочется большего. Самое страшное для актёров — творческий застой. Нам надо быть постоянно в тонусе, как профессиональным спортсменам. Поэтому мои коллеги, не слишком много занятые на сцене, проводят всевозможные тренинги для школьников, студентов. Это позволяет им самим держать себя в форме. Конечно, и мне хочется расширить свой репертуар. Но, повторюсь, профессия у нас слишком зависимая. К тому же мимолётная, в чём-то даже странная в представлении обычных людей.

Многие зрители до сих пор вспоминают твой спектакль «Только этот день», который ярко прозвучал в театральном мире Борисоглебска. Думаешь делать что-то новое в этом направлении, ведь засин был хороший?

— По натуре я такой человек, что, если берусь за что-то новое, интересное, то пытаюсь это сделать. Если получается, то это здорово. Но потом опять хочется чего-то нового, поскольку предыдущее начинание для меня уже пройденный этап. Нужно двигаться в ином направлении, реализовыватьсь в другом качестве. Работать в полном не хочется, да и не умею я этого делать. Если за что-то браться, то надо это реализовывать на полную катушку. Сейчас я пока присматриваюсь, ищу для себя определённые варианты самореализации в этом направлении. Может, что-нибудь ещё сделаю. Хотя, на самом деле, это очень большая работа. Если ты просто режиссёр спектакля, это одно. А если ёщё и автор инсценировки, и один из артистов, то приходится буквально разрываться по частям. Ведь надо всё контролировать. От артистов: когда с кем встретиться, когда кто свободен (ведь наш проект создавался в свободное от основной работы время), до того, какой стул будет стоять на сцене. Тогда каким-то волшебным образом мне удалось увлечь своей идеей многих ярких индивидуальностей. Собрался замечательный коллектив музыкантов, прекрасный актёрский состав: Слава Гардер, Магда Магдалинина, Оля Рыбникова, Афоня Афонин, который сейчас уже взрослый юноша, выше меня ростом. Мне порой говорят: «Пиши продолжение». Но я, честно говоря, сейчас не вижу смысла возвращаться к этой теме. Есть у нас одна совместная идея с Егором Козаченко. Пока не буду рассказывать, что это будет. Скажу лишь, что приблизительно в том же ключе — музыкальном, где будет определённая драматургическая линия, у каждого персонажа будет свой вокальный номер. Если всё сложится, то эта история будет больше похожа на мюзикл.

Рома, можно сказать, что музыка для тебя это второе «я»?

— Антон Павлович Чехов как-то сказал: «Медицина — моя законная жена, литература — любовница. Когда надоедает одна, я ночую у другой». Это хотя и беспорядочно, но зато не так скучно, да и к тому же от моего вероломства обе решительно ничего не теряют». Так и у меня: театральное искусство — это

моя жена, а музыка — любовница. Если устаю от одной, ухожу к другой. Но иногда я их знаю.

Чем тебя подпитывает музыка, чем согревают душу звуки мелодий?

— Это самое честное и, как мне представляется, самое настоящее искусство. Понимаешь, какая штука: в театре можно договориться с критиками, чтобы получить хорошую рецензию, где-то тебя правильно подсветить на сцене, усилить эффект восприятия музыки, невероятными костюмами. И то, что король голый, никто не заметит. А если заметит, подумает: «Наверное, я что-то недопонимаю». А в музыке, если ты «дашь петуха», то это услышат все. Музыка математична и, наверное, из-за этого в ней существует самая честная гармония.

To есть, её можно рассчитать, как дважды два?

— Можно. Есть же сейчас электрические поп-певцы, у которых существуют свои фанаты, даже целые фан-клубы. На самом деле, это круто. Музыка пишет компьютер. Обработку делает, голос синтезирует, исполняет тоже компьютер. Человек в этом процессе участвует только как программист. Компьютер берёт определённое количество музыкальных произведений, обрабатывает их с учётом того, что нравится людям, и выводит оптимальный, математически выверенный вариант.

Ты не опасаешься, что вскоре вся наша жизнь уйдёт в компьютер и театр, как живое искусство, перестанет быть нужным?

— Нет. Но каким-то образом театр, естественно, будет меняться. Когда 25 лет назад я пришёл в Кольцовский, под сценой ещё висели две рельсы и колотушка, которые имитировали колокола. Была и шумовая машина, состоявшая из двух роликов. Если её крутить, то создавался эффект ветра. Потом появились кассетные магнитофоны, за ними диски, мини-диски. Сейчас же перед людьми открываются невероятные возможности в виде новых технологий. Но поверяй мне, никакой компьютер не заменит живого музыканта. Да и человека в целом никто не заменит, как ни крути. Возьмём те же самые круглые пылесосы, которые «бегают» по квартире и собирают соринки. Но чтоб они там ни собирали, всё равно приходится за ними по старинке, веничиком, убирать сор из углов и других мало доступных мест. Я считаю, что театр будет и дальше существовать, он не утратит своих позиций. Обрати внимание на музыкальную историю. В 1990-е годы рок-музыка, казалось, уже умирает. Как вдруг появилась «Нирвана», которая перевернула музыкальный мир с ног на голову. Да, они не очень много успели сделать, но всё же смогли распахнуть ворота в огромный мир, который до сих пор живёт и существует. Поэтому не исключено, что в какой-то момент появятся новый Станиславский, новый Чехов. В нашей сегодняшней жизни всё происходит очень быстро. Помню, как в институте перед экзаменами мы шли в Никитинскую библиотеку, набирали там

кучу книг и сидели там от её открытия до закрытия, делая перерывы только на перекуры. А сейчас любая информация у тебя под рукой. Мало того, ты можешь получить её в любом виде, распечатать, обработать. И это очень удобно. Но не в плане лености человека, а в плане возможности применения её во всех сферах нашей жизни.

Не так давно в Кольцовском театре состоялась очередная лаборатория «СИТО», в рамках которой для воплощения творческих экспериментов всегда берутся произведения современной драматургии. Как ты к ней относишься? Она тебя душевно как-то трогает?

— Нет, к сожалению. Сейчас у людей, опять же благодаря новым технологиям, появились большие возможности. Любой человек может попробовать себя и на этой ниве: написать пьесу, любое драматическое произведение для театра. Да, любое проявление творчества, если оно не вредит физическому и психическому здоровью окружающих, имеет право на существование. Я много читаю современных пьес. И после знакомства с некоторыми из них у меня возникает один вопрос: «А зачем это было написано?».

Чего тебе не хватает в них?

— Порой у меня складывается такое ощущение, что этих людей не учат их профессии, что они сами ничего не читают. Даже не перечитывают то, что написали сами. Берутся банальные сюжеты. Всё меньше и меньше хороших литературы, а вот литературы много. В плане вычурности слов в диалогах. Люди так в жизни не разговаривают. Авторы якобы пытаются показать свою эрудицию. Но если драматург пишет пьесу для театра, то он должен представлять, как это будет в реальности выглядеть на сцене, а не гнаться за количеством страниц и использованием мудрёных слов. Не хочу сказать, что совсем уж такое плачевное положение в литературе. Время от времени появляются какие-то всплески. Но я постоянно жду, когда появится новая «Интурина» в музыке, в литературе, в театре.

Если бы было возможно вернуться на 25 лет назад, когда ты пршёл работать в театр, и взять с собой в нынешнее время что-то одно, что тебе дорого, что бы ты перенёс в сегодняшние реалии?

— Сложный вопрос... Мог бы сказать, лёгкость восприятия, но я сейчас достаточно легко всё воспринимаю, тем более что с возрастом и опытом у меня появилось больше возможностей позволять себе легко всё воспринимать. Ведь для артиста очень важна лёгкость восприятия всего происходящего вокруг. Сказать, что молодость — нет. В каждом возрасте есть свои плюсы и минусы. Сказать, что здорово, тыфу-тыфу, пока держусь. А взял бы оттуда то, чтобы все родные и близкие мне люди, которых сегодня так сильно не хватает, были живы. Время имеет такое свойство: оно про-

ходит, но при этом забирает с собой дорогих тебе людей. И чем больше времени проходит, тем больше таких людей уходит. Это жуткий недостаток времени.

— Однажды я шёл к нынешнему концертному залу, где тогда располагался театр, и встретил своего учителя и нашего художественного руководителя Анатолия Васильевича Иванова. Это было начало сезона, перед которым он снял с репертуара спектакль «Вечно живые», который мы достаточно много играли. Я его спросил: «Вы действительно считаете, что уже пора?». Как сейчас помню, что он мне ответил: «Ты пойми, спектакль — это живой организм. И ему надо уходить вовремя и красиво. А когда он «умрёт» на сцене, это будет неприятная картина. Грустная». Вот и я считаю, что расставаться нужно вовремя. Так и произошло с нашим спектаклем «Только этот день». Считаю, что мы вовремя остановились. От этой постановки у зрителей остались хорошие воспоминания, есть его телевизионная версия. Приятно, когда до сих пор ко мне подходят люди и говорят в адрес той нашей работы тёплые слова. Вот один из уроков, который я взял на вооружение от своего учителя. Надо не жалеть то чудесное, что было, а нужно начинать делать что-то новое.

Услышал от тебя фразу: «Надо легко расставаться с тем, что любишь». Какой смысл ты в нейкладываваешь?

Когда-то ты мне сказал: «Что за из-девательство, я три часа перед вами тути-выступаю, и потом должен ещё кла-няться». Сохрани-лась твоя нелюбовь к поклонам?

— Господи, вспомнил! Я тогда так пошутил. Поклон — замечательная театральная традиция. По сути, это благодарность зрителям за внимание, за то, что дали нам возможность сделать свою работу. Когда я пришёл в театр, здесь ещё работали грифферы, начинавшие свой трудовой путь в 40-50-е годы. Приходили эти чудесные бабушки со своими большими коробками, гримировали, а, уходя, говорили: «Спасибо». Я спрашивал: «За что?». «За то, что вы помогли мне сделать мою работу». Сейчас такой традиции, увы, уже нет. А поклон это добная, хорошая традиция, которая, я уверен, будет в театре сохраняться.

Ты часто своим зрителям, пришедшим на спектакль, мысленно говоришь «спасибо»?

— Я благодарен этим людям за терпение, за доброту. Они пришли в театр, смотрят на меня, как-то реагируют, в ладоши хлопают. Значит, я их чем-то зацепил. Они заплатили деньги за билет, выкроили из своего вечера достаточно серьёзного временного промежутка, который спокойно могли бы посвятить отдыху на диване с хорошей книгой в руках. Но они всё-таки пришли посмотреть на то, что я, мои коллеги, режиссёры им предлагают увидеть. И своё одобрение нашей работы они выражают аплодисментами. Поэтому я всё время мысленно говорю этим людям: «Спасибо!».

Чем, или кем ты гордишься в своей жизни на её нынешнем этапе?

— Горжусь своей дочерью и радуюсь тому, что она у меня есть!